

УДК 94(47).08

ББК 63.3(2)534-68

Степень готовности России к Первой мировой войне в оценках дореволюционных, советских и современных исследователей

И.А. Ерёмин

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

The Level of the Readiness of Russia for World War I Assessed by Pre-Revolutionary, Soviet and Modern Scientists

I.A. Eremin

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Рассматривается проблема готовности России к Первой мировой войне. Ведущие отечественные ученые дореволюционного, советского и современного периодов предлагают свое видение этой проблемы. Они согласны с тем, что мобилизационные планы военно-политического руководства России накануне войны были основаны на идее скоротечной военной кампании. Нормы мобилизационных запасов были крайне недостаточными в условиях начавшейся затяжной войны. Участники мировой войны в своих работах обращают внимание на неготовность довоенной России к полному напряжению как материальных, так и моральных сил. Это проявлялось в неэффективной и несправедливой системе комплектования вооруженных сил, в результате чего терялась идея общеобязательности воинской повинности. У правительства отсутствовала продуманная политика в отношении использования трудовых ресурсов в тылу для удовлетворения нужд действующей армии в случае начала войны. Такая же ситуация наблюдалась в отношении организации работы всей промышленности для снабжения вооруженных сил на случай большой войны. Вместо срочного технического перевооружения промышленности и модернизации транспортной системы правящие круги страны делали ставку на крестьянское хозяйство. Они считали его полунатуральный характер благом для страны в случае войны. Крестьянское хозяйство должно было обеспечить фактическую автаркию России в военное время. К этим стратегическим просчетам высшего руководства довоенной России следует добавить такой фундаментальный фактор, как значительное отставание России от ведущих стран Запада по уровню производительности труда.

Ключевые слова: Первая мировая война, военно-экономический потенциал.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-14

The article examines the problem of the readiness of Russia for World War I. The leading native pre-revolutionary, Soviet and modern scientists suggest their vision of this problem. They agreed to the fact that plans of mobilization of the military-political leadership of Russia before the war were based on the idea of transient military campaign. As a result, the standards of mobilizational reserves were extremely defective under the conditions of the beginning long-drawn war. In their works the participants of the World War paid attention to unreadiness of pre-war Russia to total strengthening of material and moral forces. This was displayed in ineffective and unjust system of collecting sets of armed forces. As the result, the idea of obligatory military conscription was lost. The government lacked the sound policy connected with the usage of labour resources in the rear to satisfy the needs of the army in the field in case of the beginning war. The same situation was with organization of work of the whole industry to supply armed forces in case of the Great War. Instead of urgent technical rearmament of industry and improvement of the transport system, the ruling circles of the country made emphasis on peasant economy. They considered its half-subsistant character good for the country in case of war. The peasant economy had to ensure real self-sufficiency of the country in war time. To these strategic miscalculates of superior leadership of pre-war Russia we must add such a fundamental factor, as Russia's considerable lagging behind the leading countries of the West in connection with the level of labour productivity.

Key words: The World War I, military-economic potential.

Военно-политическое руководство России исходило накануне Первой мировой войны из того, что она будет скоротечной. Советский исследователь А.Л. Сидоров обращал внимание на то, что мобилизационные планы и нормы запасов исчислялись на основе опыта Русско-японской войны. Это привело к тому, что нормы мобилизационных запасов были заниженными. «Кратковременную кампанию» предполагалось обеспечить за счет резервов мирного времени. По мнению А.Л. Сидорова, среди государственных и военных руководителей страны никто не думал до войны об организации тыла, о работе всей промышленности, включая частную, для снабжения армии на случай большой войны [1, с. 8, 9].

Эту точку зрения разделял в целом участник Первой мировой войны, русский военный теоретик, автор исследования «Военные усилия России в мировой войне», генерал-лейтенант Н.Н. Головин. Он выделял факт отсутствия понимания роли «работы современного тыла» в тогдашних правящих кругах. Между тем, по его мнению, в этой работе существенное значение имело не только то, чтобы «установить какую-либо комбинацию, а требовалось избрать наилучшую для данных условий комбинацию». Вместо этого в высшем руководстве наблюдалась «полная неподготовленность», которая приводила к невозможности реально оценить размеры «каждой потребности армии» [2, с. 230].

Генерал А.И. Деникин подчеркивал, что перед войной властями «не подымался вовсе вопрос о способах усиленного военного снабжения после истощения запасов мирного времени и о мобилизации военной промышленности» [3, с. 235]. Один из руководителей интендантства в годы Первой мировой войны генерал Н.О. Богатко констатировал господство в правящих кругах России накануне войны убеждения, что в мирное время «незачем составлять какие-то планы и соображения о том, как продовольствовать армию и страну во время войны». Иллюзорное представление о якобы неисчерпаемых «естественных богатствах России» привело власти страны к «спокойной уверенности», что «получать для армии все нужное для войны не представляет никаких трудностей». В итоге весь механизм, ведавший снабжением армии, не был приспособлен к «грандиозной задаче», которая встала перед страной в начавшейся войне [2, с. 244, 246]. Эту мысль полностью разделял другой участник Первой мировой войны генерал А.А. Маниковский [4, с. 619].

В своих расчетах интендантское управление базировалось на планах войны, разрабатываемых Генеральным штабом. Последний же считал, что хотя численность русской армии и будет увеличена, сама война продлится не более одного года. На основании сделанных расчетов были определены размеры мобилизационных запасов. Последним придавалось реша-

ющее значение, и поэтому интендантское ведомство занялось не установлением размеров потребностей массовой армии в большой войне, а определением способности доставки уже заготовленных стратегических запасов к войскам. Мобилизационные запасы сосредоточивались в военных округах. На них возлагались задачи по формированию, материальному обеспечению корпусов и их выдвиганию на театр войны. Предполагалось, что сформированные в округах войска будут в дальнейшем обеспечиваться с окружающих складов путем подвоза [5, с. 150, 151].

Генерал Ю.Н. Данилов считал, что Россия была не готова к войне «с более общей точки зрения». По его мнению, страна оказалась неготовой к крайнему напряжению «решительно всех сил... как материальных, так и моральных». Его особенно тревожило состояние отечественного транспорта накануне войны. Участник сражений Первой мировой войны подчеркивал, что железнодорожная сеть России была «очень бедна» и «недостаточно оборудована» для успешной мобилизации и развертывания войск, а также обеспечения их всем необходимым [6, с. 29, 80]. Возглавлявший в 1905–1907 гг. военное ведомство России А.Ф. Редигер подчеркивал, что правящие круги страны практически ничего не сделали для усиления обороноспособности, «легкомысленно» потратив отпущенное для этого историей время [7, с. 370, 371].

Современный исследователь А.И. Уткин полагает, что накануне войны главной внутренней опорой русской элиты была вера в то, что сама примитивность экономической системы России, преобладание крестьянского населения и хозяйства явится защитой ее в грядущей борьбе экономик. Он пришел к выводу, что точка зрения правящих кругов о самодовлеющем крестьянском хозяйстве, которое обеспечит фактическую автаркию страны, сделал ее нечувствительной к колоссальной трансформации внешнего мира, оказалась трагическим заблуждением [8, с. 162].

Мнение А.И. Уткина, на наш взгляд, достаточно обосновано. В самом деле, в предвоенный период в руководящих кругах Российской империи пользовались доверием и авторитетом труды экономистов, проповедовавших теорию большей устойчивости мелкого крестьянского хозяйства по сравнению с крупным, видевших в полунатуральном характере крестьянского хозяйства едва ли не благо для страны в случае войны. Одним из таких экономистов был И.С. Блюх, считавший, что в грядущей войне потери народного хозяйства в промышленно развитых странах будут гораздо более значительными, чем в аграрных государствах [9, с. 276]. На этой же позиции стоял один из крупных исследователей военной экономики генерал А.А. Гулевич, подчеркивавший, что в случае большой войны Россия окажется более устойчивой и выносливой, чем промышленные державы Запада [10, с. 30, 31].

Влияние взглядов подобного рода проявлялось, в частности, в том, что, начиная войну, руководители экономической политики России главную трудность видели не в недостатке хлеба в стране в случае развязывания боевых действий, а в избытке его вследствие прекращения экспорта в страны враждебного лагеря, из которых Германия была крупнейшим импортером русского хлеба [9, с. 277, 278].

Н.Н. Головин считал довоенную систему комплектования регулярных войск и государственного ополчения в России неэффективной и несправедливой. По его мнению, Устав 1874 г. с последующими дополнениями к нему вместо распределения «тягостей» воинской службы «по возрастным слоям» как бы отсекал часть мужского населения, предназначая ее для этой цели, вплоть до 43-летнего возраста, и совсем освобождал другую от боевой и даже от «всякого вида военной службы». Вместо возрастного принципа призыва, существовавшего в западноевропейских странах, включая Германию, предполагалась своего рода «последовательность», когда мобилизация ратников второго разряда должна была осуществляться только после использования почти всех «возрастных классов» ополченцев первого разряда. В результате нарушался принцип использования живой силы «по возрастам», а вместе с ним терялась идея всеобщности «воинской повинности». Самое опасное для правительства в его подходе к комплектованию армии заключалось в том, что такая постановка дела не могла во время войны упрочить в народе сознание «всеобщности» долга защиты своего Отечества. По мнению Н.Н. Головина, такая политика властей объяснялась непониманием того факта, что современная война ведется не только армией, но всем народом и государственным механизмом [2, с. 22, 23, 24, 106].

По данным Л.Г. Бескровного, в 1914 г. из 178,4 млн жителей Российской империи могли быть призваны на военную службу около 20 млн чел. [5, с. 10]. По количеству солдат на тысячу жителей Россия стояла на одном уровне с Австро-Венгрией, уступая Франции, Италии и Германии. По абсолютной численности обученных резервов страна занимала первое место в мире, но отрыв от главного соперника —

Германии — был не столь значительным (5,6 млн чел. против 4,9 млн чел.). По отношению количества находящегося в запасе к численности населения Российская империя имела показатели в 2–3 раза меньше, чем другие сухопутные европейские державы [11, с. 95].

Н.Н. Головин считал, что у русского правительства отсутствовала продуманная политика в отношении использования трудовых ресурсов в тылу для удовлетворения нужд действующей армии в случае начала войны. Он полагал, что осуществить «надлежащую организацию» тыла можно было только при условии издания Закона о всеобщей промышленной военной повинности, составленного на основе тех же принципов, что и Закон о всеобщей воинской повинности. Неспособность осуществить эти задачи он совершенно справедливо объяснял отсутствием сильного правительства, которое даже в условиях начавшейся войны трижды в 1914–1915 гг. отклонило законопроект «О милитаризации заводов, работающих на оборону» [2, с. 236].

Отмечая глубину и разносторонность анализа готовности Российской империи к войне, высказанную дореволюционными, советскими и современными исследователями, стоит упомянуть еще одну из причин возникновения острых проблем в этой области. На наш взгляд, одним из важнейших факторов неспособности эффективно противостоять промышленной мощи Германии в годы войны являлось то, что правящим кругам страны не удалось даже сблизить с индустриальными державами мира уровень производительности труда. По этому показателю Россия отставала в 1913 г. от США в 9 раз, от Великобритании — в 4,9 раза, от Германии — в 4,7 раза, от Франции — более чем в 3 раза [12, с. 31].

Совокупность всех названных выше проблем и недостатков в довоенной военно-экономической политике правящих кругов России требовала принятия энергичных и решительных мер по переводу народного хозяйства страны на военные рельсы и привлечению ресурсов всех регионов для стабильного снабжения вооруженных сил продовольственными и материальными ресурсами.

Библиографический список

1. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. — М., 1973
2. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. — М., 2001.
3. Деникин А.И. Путь русского офицера. — М., 1991.
4. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. — 3-е изд. — М., 1937.
5. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. — М., 1986.
6. Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. — М., 1992.
7. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2 т. — М., 1999. — Т. 2.

8. Уткин А.И. Первая мировая война. — М., 2001.
9. Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). — М., 1962.
10. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. — М., 1957.
11. Игнатьев А.В. Россия и происхождение Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. — М., 1998.
12. История рабочего класса СССР. Рабочий класс России 1907 — февраль 1917 г. — М., 1982.